

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/1998863X/88/19

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СТРАН БРИКС И ЕС В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА (НА ПРИМЕРЕ АРКТИКИ)

Алена Денисовна Лисенкова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия*

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, alena.denisovna@yandex.ru*

Аннотация. Охарактеризованы стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата. Сопоставлены и объяснены особенности участия в международном климатическом сотрудничестве под эгидой ООН и целевые показатели сторон. На примере Арктики показано, что, несмотря на общую озабоченность климатическими изменениями, геополитические, энергетические и транспортно-логистические обоснования являются определяющими в разногласиях.

Ключевые слова: Арктика, изменение климата, энергетика, Северный морской путь, БРИКС, Европейский союз

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379>

Для цитирования: Лисенкова А.Д. Стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата (на примере Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 217–230. doi: 10.17223/1998863X/88/19

Original article

STRATEGIC PRIORITIES AND CONTRADICTIONS OF THE BRICS STATES AND THE EU IN THE FIELD OF COMBATING CLIMATE CHANGE (THE CASE OF THE ARCTIC)

Alena D. Lisenkova

*MGIMO University, Moscow, Russian Federation
North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation
alena.denisovna@yandex.ru*

Abstract. This article aims to identify the strategic priorities and contradictions of the BRICS states and the EU in the field of combating climate change (the case of the Arctic). The text uses systemic and comparative types of analysis. The author examines the specifics of the parties' participation in the main international law initiatives, such as the 1992 United Nations Framework Convention on Climate Change, the first and second periods of the 1997 Kyoto Protocol, and the 2015 Paris Agreement, while simultaneously comparing the differences in obligations for developed and developing countries with the current dominant contribution of the latter to global greenhouse gas emissions. Further, the problems and

prospects for deriving common targets for the BRICS states, the consolidated opinion of the alliance on combating climate change, and its differences from the EU position are explained. Finally, using the Arctic as an example, the justifications underlying the strategic contradictions of the parties are presented. The author comes to the conclusion that they are primarily non-environmental. While the EU, which is experiencing an acute shortage of its own resources, is trying to achieve strategic autonomy and take a leadership position in the popular and noble topic, the BRICS states, in the context of sanctions, restrictions, and post-COVID recovery, have united and offered an alternative climate vision. Thus, despite the willingness to exchange data and research cooperation with the recognition of the prospects of green energy, they insist on the dominance of fossil fuels and the principle of technological neutrality, continuing to shift greater financial responsibility to developed countries. Climate change, which opens up better access to the Northern Sea Route and the Arctic shelf, mainly controlled by Russia, seems to be beneficial for the rest of the BRICS members. While the critical rhetoric of the EU on the resources to which they have access in the region is much more restrained.

Keywords: Arctic, climate change, energy, Northern Sea Route, BRICS, European Union

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379>

For citation: Lisenkova, A.D. (2025) Strategic priorities and contradictions of the BRICS states and the EU in the field of combating climate change (the case of the Arctic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 217–230. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/19

Введение

Одним из наиболее чувствительных вопросов глобальной повестки дня традиционно считается проблема изменения климата, к разрешению которой мировое сообщество в полной мере так и не приблизилось. Увеличение температуры напрямую коррелирует с концентрацией парниковых газов, пока уровень их выбросов во всех основных секторах (электроэнергия, промышленность, транспорт и др.) продолжает расти. Список учитываемых в подсчетах газов ограничен, а около 70% из них приходится только на углекислый газ / диоксид углерода (CO₂). Тем не менее если изначально подписанная в 1992 г. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) не определяла конкретный перечень, то Киотский протокол (1997 г.) ликвидировал данное упущение. Его сформировали CO₂, метан (CH₄), закись азота (N₂O), гексафторид серы (SF₆), гидрофторуглероды (HFCs), а также перфторуглеводороды (PFCs). Позднее Дохийская поправка к Киотскому протоколу РКИК ООН дополнила его трифторидом азота (NF₃) [1. Р. 14].

Список наибольших загрязнителей формируют следующие акторы: Китай – 30,1%, США – 11,25, Индия – 7,8, Европейский союз (ЕС) – 6,09, Россия – 5,05, Бразилия – 2,45, Индонезия – 2,27, Япония – 1,97, Иран – 1,88, Саудовская Аравия – 1,52%. Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия и Иран входят в БРИКС. На оставшихся участников данного межгосударственного объединения приходится ещё 2,45% выбросов (ЮАР – 0,99%, Египет – 0,63, ОАЭ – 0,51, Эфиопия – 0,32%) [2].

БРИКС – сравнительно новое, но амбициозное объединение. Интересы его стран распространяются на различные регионы, одним из которых является Арктика – «горячая точка» глобального изменения климата. Приоритетность данной темы для объединения неоднозначна. Тем временем в отношении Арктики уже давно развивает свою климатическую риторику другое,

экономически мощное и также представленное в списке ключевых загрязнителей, но параллельно претендующее на международное климатическое лидерство объединение 27 стран – Европейский союз.

В российской и зарубежной академической литературе уже достаточно широко освещены вопросы, касающиеся как различных аспектов международного сотрудничества в области борьбы с изменением климата [3], так и соотношения экологической политики с другими значимыми направлениями (например, транспортным или энергетическим) [4]. При этом наиболее пристальное внимание в исследованиях направлено на деятельность не только универсальной ООН, но и весьма активного на обозначенном направлении ЕС [5]. Внимание экспертов не обделён и Арктический регион, попавший в сферу интересов многих крупных игроков и ставший ещё более актуальным в контексте обострения отношений коллективного Запада и Российской Федерации [6]. Примечателен и рост вовлечённости неарктических государств, к числу которых можно отнести большинство членов БРИКС [7]. Тем не менее непосредственно интересы последних, а также их расхождения с другими игроками в области активно формирующейся собственной и достаточно уникальной климатической повестки пока изучены недостаточно (как в целом, так и непосредственно в Арктическом регионе).

Именно поэтому цель данной статьи – выявить стратегические приоритеты и противоречия стран БРИКС и ЕС в области борьбы с изменением климата (на примере Арктики). Автором не только характеризуются климатические интересы сторон, но и объясняется, какие неэкологические факторы влияют на сохранение разногласий. При помощи системного и сравнительного видов анализа оцениваются профильные документы в области борьбы с изменением климата, арктической и энергетической политики, национальной безопасности и тому подобное стран-членов [8] и самого БРИКС как объединения [9], а также Европейского союза [10]. Для более комплексной аргументации задействованы основные статистические данные, касающиеся выбросов парниковых газов [2] и состояния национальных экономик государств – участников двух структур [11], а также ключевые профильные соглашения под эгидой ООН [12] и целевые показатели сторон по сокращению выбросов [13].

Участие в международном климатическом сотрудничестве стран БРИКС и ЕС

Страны БРИКС, а также и ЕС (как и само объединение) стали членами Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) 1992 г., а также первого периода действия (2008–2012 гг.) Киотского протокола к РКИК ООН 1997 г. и Парижского соглашения 2015 г. Из всех членов БРИКС только Россия входила в Приложение 1 (развитые страны и страны с переходной экономикой) РКИК ООН, на которые впоследствии распространились обязательства по сокращению выбросов. Из действующих участников ЕС не являлись его частью лишь Хорватия, Словения, Мальта и Кипр. В Приложении 2 (развитые страны) с финансовыми и технологическими обязательствами России уже не было, а от ЕС осталась примерно половина (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция). Однако именно благодаря России в 2005 г. Киотский протокол вступил в силу. После

отказа США, главного эмитента, набрать для ратификации 55 стран, на которые приходилось бы 55% общих выбросов, было проблематично. Целевой показатель России составлял 100% от отметки 1990 г. [13]. Несмотря на его достижение в основном из-за падения промышленных объёмов предполагалось, что принял участие сильный игрок, который не повлиял негативно на дальнейшее повышение глобальных выбросов. Своим согласием страна расположила к себе Европейский союз в вопросе одобрения её членства во Всемирной торговой организации [14. Р. 157]. Сам ЕС амбициозно запланировал сократить выбросы сразу на 8% в сравнении с 1990 г. [13].

От присутствия в «Киото-2» (2013–2020 гг.) отказались многие, в том числе Россия и Иран. Дохийская поправка 2012 г., преимущественно всерьёз поддерживаемая лишь ЕС, нацеленным на сокращение выбросов на 20%, вступила в силу только 31 декабря 2020 г. Причин несколько: низкая эффективность первого периода с участием США, недостаточная юридическая проработанность, отсутствие обязательств для развивающихся стран, зависимость от экспорта ископаемых ресурсов. Для Ирана это также опасения по поводу экономического развития, национального суверенитета и санкционных ограничений.

К развивающимся странам серьёзные требования, правда, не выдвигались, хотя к ним относились Индия и Китай. Последний по выбросам на более позднем этапе обогнал США. Неучастие трёх главных загрязнителей ставило под сомнение инициативу. Многие игроки вернулись к участию, только согласовав первое юридически обязательное Парижское соглашение 2015 г. В нём все обязались стремиться к созданию долгосрочных стратегий, а развитые страны – устанавливать и достигать абсолютные целевые показатели. Они также согласились финансово помогать развивающимся странам. Последние же нацелились на предотвращение изменения климата и со временем – на обозначение целевых показателей и сокращение выбросов [12]. Многие крупные эмитенты, включая Китай, США и Индию, к инициативе присоединились, хотя США уже дважды выходили из соглашения в период президентства республиканца Д. Трампа (2017–2021 гг. и с 2025 г.).

Целевые показатели стран БРИКС и ЕС: проблемы координации и обоснования

БРИКС. Единственная страна БРИКС, у которой нет установленного национально определяемого вклада – Иран. Он имеет только предполагаемый вклад 2015 г., а Парижское соглашение не ратифицировал, тогда как у некоторых членов БРИКС данные вклады обновлялись. Активно себя проявили Бразилия (дважды – в 2022 и в 2024 гг.), Египет (2022 и 2023 гг.) и ОАЭ (2020 и 2024 гг.). При этом у Египта они рассчитаны по 2030 г., а не по 2035 г. Оставшиеся шесть стран (Россия в 2020 г., Индия в 2022 г., Китай в 2021 г., Индонезия в 2022 г., Эфиопия в 2021 г., ЮАР в 2021 г.) пока также не представили обновлённые версии на следующие пять лет. Тем не менее, например, Россия в августе 2025 г. обозначила новую отметку – 65–67% от уровня 1990 г. по сокращению выбросов к 2035 г. Она и ляжет в основу обновлённого документа для ООН [15].

Планы свидетельствуют об отсутствии какой-либо реальной координации у стран как в вопросе достижения «нейтральности» (у Египта, Ирана и

Эфиопии такой даты вовсе нет, а у других варьируется в период 2050–2070 гг.), так и в методологии подсчёта целевых показателей и систем отсчёта (он ведётся в сравнении с 1990, 2005, 2019 гг. или с *business as usual*¹). Более того, не у всех игроков установленные показатели рассматриваются в масштабах всей экономики, как, в частности, у Бразилии, России или Эфиопии [16]. Это, правда, от развивающихся стран сразу и не требуется. Наконец, например, Китай и ЮАР полагают, что ещё не достигли своих пиковых показателей. Всё это существенное препятствие и даже в среднесрочной перспективе принятие согласованного целевого показателя маловероятно, в том числе из-за слишком различающегося и нередко препятствующего экономического потенциала стран-членов. Так, только Россия и ОАЭ входят в топ-50 стран по показателю ВВП (ППС) на душу населения, а Индия, Индонезия, Эфиопия и ЮАР не попадают и в первую сотню [11].

Несмотря на расхождения, изменение климата фигурирует во всех итоговых декларациях саммитов БРИКС. Однако первое время речь шла скорее о признании значимости популярной проблемы и совместных инициатив ООН. Подобная мало к чему обязывающая риторика свойственна многим международным структурам. О лидерстве речи не было, а страны хотели вносить вклад «посредством устойчивого и инклюзивного роста, а не через введение ограничений на развитие» [17]. С 2020-х гг. ситуация изменилась. Санкционные ограничения и постковидное восстановление, требующие сбалансированного экономического развития на основе в первую очередь более выгодного и инфраструктурно снабжённого ископаемого топлива, а также злоупотребление экологическими стандартами со стороны ЕС и тяготение развивающихся стран к многополярной системе подтолкнули к выработке альтернативы. Популярная тема была обречена стать ареной противостояния, учитывая её связь с энергетическим, транспортно-логистическим и другими направлениями политики. Таким образом, даже была принята повестка дня БРИКС в области климатического лидерства (2025 г.).

Представляя преимущественно интересы Глобального Юга, в БРИКС из раза в раз транслировались напоминания об «общей, но дифференцированной ответственности» [17], а также об обязательствах именно развитых стран, исторически виновных в кризисе [18]. Речь не только о реализации и повышении уже запланированного финансирования, но и о другой различного рода помощи [19]. За пределами БРИКС стороны сотрудничали ещё в рамках коалиции BASIC (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР) на Копенгагенской конференции 2009 г., когда смогли договориться с США о «Копенгагенском аккорде», оставив в стороне настаивавший на юридически обязательном соглашении ЕС [3. Р. 3].

Будучи стороной не просто пострадавшей, но заинтересованной, совсем от финансового участия БРИКС не отказывается. Так, в Рамочной декларации лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию 2025 г. содержатся отсылки к Новому банку развития, частному сектору, государственным финансам и др. [20]. Тем более что обязательства по Парижскому соглашению 2015 г. если не предполагают финансирования других игроков развивающимися странами, то за реализуемые внутренние меры они также

¹ Обычный ход деятельности.

несут ответственность, пусть и прописано это в куда менее жёстких формулировках, как «перейти со временем к целевым показателям ограничения или сокращения выбросов в масштабах всей экономики» [12].

Ключевым элементом риторики ожидаемо стала энергетика. Не отрицая перспективности «зелёных» ресурсов, страны БРИКС всё-таки настаивают на доминировании ископаемого топлива, а также на значении ядерных и газовых технологий и поглотителей (леса и др.). Объединение подчеркнуло: «...мы выступаем за многосторонний подход, уважающий различные национальные точки зрения и позиции по ключевым глобальным вопросам...» [9]. Тем самым они выражают несогласие с навязываемым в первую очередь Европейским союзом как бы единственно верным подходом, расхождение с которым наказывалось бы «односторонними, карательными и дискриминационными протекционистскими мерами» [9]. Соответственно, внутри БРИКС была достигнута договорённость о координации в противостоянии подобному [21]. Наличие единой позиции по климату говорит о том, что данная сфера входит в перечень тем, где интересы стран-членов сошлись [22. С. 74].

Европейский союз. У всех стран – членов ЕС установлены климатические целевые показатели. Союз, в свою очередь, в соответствии с направленным в 2023 г. в ООН документом, нацелен сократить выбросы парниковых газов на 55% к 2030 г. в сравнении с 1990 г. и достичь «нейтральности» к 2050 г. [23]. Это усреднённые цифры, согласованные 27 странами-членами и отвечающие принципу европейской солидарности. Несмотря на некоторые разногласия, в ООН переданы идентичные документы от ЕС в целом, и от его государств-членов в частности. Наконец, данные амбиции коррелируют с европейской «зелёной» сделкой 2019 г., Европейским климатическим законом 2021 г. и законодательным пакетом «Fit for 55» 2021 г.

Национальные планы у государств преимущественно сводятся также к 2050 г., хотя встречаются и более высокие амбиции. Так, например, Германия планирует достичь «нейтральности» к 2045 г. и сократить выбросы парниковых газов на 65% к 2030 г. В то же время, например, Польша пока не представила долгосрочную стратегию действий в области изменения климата, хотя она и связана европейскими обязательствами. Это единственная страна в ЕС, у которой нет и даты отказа от угля, наиболее «грязного» источника энергии. Связано это с тем, что порядка 60% электроэнергии в данной стране до сих пор получают из твёрдого ископаемого топлива, которым она богата [24]. В этой связи примечательно, что принятый с помощью обычной законодательной процедуры Европейский климатический закон 2021 г. не требовал ни единогласия от Совета и Европейского парламента, ни ратификации на национальном уровне.

После провала на Копенгагенской конференции 2009 г., где ЕС пытался продвигать слабо согласованные между членами и более высокие, чем уже установленные, целевые показатели, он вынужден принимать компромиссную и сдержанную позицию, хотя и весьма амбициозную на фоне других игроков [5. Р. 178–179]. Последнее связано и с тем, что экономически, несмотря на некоторую диспропорцию, все страны ЕС (кроме Болгарии) входят в топ-50 государств по показателю ВВП (ППС) на душу населения [11]. Потенциал европейского объединения позволяет не только реализовывать климатиче-

ские меры, но и претендовать на роль лидера в достаточно популярном и кажущемся благородным вопросе.

Внешнеполитическая экологическая озабоченность Европейского союза связана с объективными факторами. Так, несмотря на историческую ответственность европейских стран, на ЕС в целом приходится только 6,09% выбросов парниковых газов в то время как на БРИКС – 52% [2]. При этом показатели ЕС снижаются, достигая всё новых исторических минимумов с 1990 г. Говорить о нейтральности к 2050 г. преждевременно, но положительная динамика присутствует, в том числе у упомянутой Польши. У БРИКС, напротив, совокупные выбросы выросли. Свидетельствовать о том может не только Китай, но и, например, Индия. Таким образом, хотя региональные меры более эффективны, чем национальные, ограничивать их европейским регионом бесполезно.

К другим факторам, обуславливающим интересы ЕС, нужно отнести внешнеполитическую конфронтацию с Россией, прежде ведущим поставщиком ископаемого топлива, а также острую нехватку собственных ресурсов, за исключением наименее безопасного и наиболее неэкологичного угля. Именно из этих соображений ЕС ввёл REPowerEU (План по отказу от российских ископаемых видов топлива задолго до 2030 г.), а также ряд санкционных ограничений (в первую очередь эмбарго на некоторые виды ресурсов). Даже вне прямой привязки к России история знает другие примеры энергетических кризисов (например, нефтяные 1970-х гг.), связанных с поставщиками. Кроме того, постоянная спекуляция на климатической повестке и готовность населения к постиндустриальным вопросам спровоцировали всплеск социальной активности. Наконец, в рамках достижения собственной стратегической автономии Европейскому союзу выгоднее, чтобы вокруг него была международная система циркулярной экономики, где он не остался бы среди отстающих на фоне экономического подъёма стран, таких как Китай, Индия и др. [4. С. 214, 216].

Страны БРИКС и ЕС в Арктике: проблема изменения климата

БРИКС. Из стран БРИКС единственным арктическим государством является Российская Федерация, чья позиция, с одной стороны, доминирующая, но, с другой стороны, сходится с общим видением объединения. О стратегических климатических приоритетах последнего приходится говорить с определённой долей условности. Однако стоит понимать, что Россия на 60% зависит от энергетического экспорта и такие инструменты, как «зелёный» переход, не выгодны даже на внутренней арене, что и подталкивает к продвижению минимизирующих усилия формулировок в климатических документах, таких как «поглощающая способность лесов». При этом порядка 75% глобальных выбросов действительно приходится на энергетику, и потому на международном уровне продвигаются именно энергетические механизмы, такие как «зелёный» переход, энергоэффективность и др. Как следствие, в Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. от 2020 г. РФ считает необходимым и компромиссным для экономического развития как «переход к экономике замкнутого цикла», так и разработку новых месторождений нефти и газа [8]. В то время

как в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. напрямую подчёркивается, что изменение климата – «предлог для ограничения доступа российских компаний к экспортным рынкам, сдерживания развития российской промышленности, установления контроля над транспортными маршрутами [прим. Северный морской путь], воспрепятствования освоению Россией Арктики» [25]. В Климатической доктрине РФ 2023 г. помимо негативной «деградации многолетней мерзлоты и горного оледенения» к положительным последствиям климатических изменений отнесены сокращение расходов энергии в отопительный сезон, улучшение обстановки для перевозки грузов в арктических морях и освоения шельфа, увеличение доступной для растениеводства зоны и повышение эффективности бореальных лесов. Особо отмечается высокий потенциал к адаптации за счёт территориальных и водных ресурсов и лишь незначительной доли населения в уязвимых районах [26].

Два других крупных игрока, Китай и Индия, являются наблюдателями в Арктическом совете. Данные страны заинтересованы в совместных энергетических проектах, в то время как для России это диверсификация сотрудничества с неарктическими игроками, выстраивающими конструктивную политику в отношении государства, что отвечает интересам Концепции внешней политики 2023 г. [22. С. 73]. Так, рост числа китайских перевозчиков и товарооборота продолжается, особенно как раз в области энергетики, сохраняя высокий спрос на альтернативный Индийскому океану и более быстрый Северный морской путь, в том числе в условиях международной нестабильности. В Белой книге «Арктическая политика Китая» 2018 г. страна определена как «приарктическое государство», что, с одной стороны, говорит о влиянии происходящего в Арктике на климатическую систему страны, а с другой стороны, напоминает о своём праве «на <...> прокладку подводных кабелей и трубопроводов, а также на разведку и эксплуатацию ресурсов в открытом море» [27]. В то время как Индия тоже заинтересована в энергетической и транспортной диверсификации и безопасности. Несмотря на заявления о готовности сотрудничать в исследовательских проектах, в документе «Арктическая политика Индии: построение партнерства в интересах устойчивого развития» 2022 г. она напоминает, что Арктика – «крупнейшая из оставшихся на Земле неразведанная перспективная территория по добыче углеводородов», к тому же богатая другими полезными ископаемыми (медь, фосфор и т.д.) [28].

Общим для «старых» членов БРИКС также является интерес к обмену данными и исследованиям в «горячей точке» климатических изменений. Их стремление к «технологической нейтральности» без дискриминации каких-либо доступных решений подтверждают положения дорожной карты энергетического сотрудничества БРИКС на 2025–2030 гг. [29]. Так, свои антарктические программы реализуют не только Индия, Китай и Россия, но и стремящаяся к статусу наблюдателя в Арктическом совете и заинтересованная в ресурсах Бразилия, а также ЮАР. Двум последним это позволяет рассчитывать на взаимный обмен опытом уже в Арктике, где помимо России арктическими полярными станциями обладают Индия и Китай.

Представленность «новых» членов БРИКС менее заметна, а их арктическая повестка находится скорее в стадии формирования. Тем не менее в пользу заинтересованности говорит открытость к научным исследованиям и принадлежность к наиболее жарким регионам мира. Изменение климата в целом

и развитие зелёной энергетики в частности – та арена, где в силу своей уязвимости и ограничений на другие форматы участия такие страны, как Египет или Эфиопия, могут захотеть проявить себя. В случае ОАЭ помимо интереса к энергетике и климату, что особенно актуально в контексте исследований по линии «трёх полюсов»: Арктика, Антарктика и Гималаи, также можно добавить логистику, особенно, с учётом позиционирования ОАЭ как морской державы с глобальными транспортно-логистическими амбициями, где примечательной является активизация сотрудничества DP World с «Росатомом» с 2020-х гг. [7. С. 189–192]. Приоритеты Индонезии носят схожий характер, сводясь к обмену опытом и инновациям в области климата, а также к геополитике, энергетике и транспортно-логистическим маршрутам [30. С. 209].

Европейский союз. Интерес к борьбе с изменением климата как одному из приоритетов ЕС в Арктике – явление, не связанное лишь с событиями последних лет. Отсылки можно найти в более ранних стратегиях 2008, 2012 и 2016 гг. Кроме того, Дания (по причине принадлежности не входящих в ЕС Гренландии и Фарерских островов), Финляндия и Швеция – арктические страны, а Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Франция – наблюдатели в Арктическом совете.

В соответствии с действующей стратегией «Более активное участие ЕС в создании мирной, стабильной и процветающей Арктики» 2021 г. «изменение климата является наиболее серьезной угрозой» для региона [31]. Однако примечательна геополитическая отсылка, в соответствии с которой ЕС выразил озабоченность повышенным интересом к арктическим ресурсам и к транспортным маршрутам. Сам Союз транслирует заинтересованность в инклюзивном и устойчивом развитии региона, «голубой» экономике и зелёной энергетике, борьбе с «чёрным» углеродом и таянием вечной мерзлоты, а также в сохранении запасов нефти, угля и газа в земле [31]. Всё это продуктивнее решать на международном уровне, однако с 2022 г. в вопросах диалога и сотрудничества Европейский союз обозначил свою позицию как только «с единомышленниками» [32]. Это коснулось «Северного измерения», Совета Баренцева / Евроарктического региона и др.

Заключение Совета по климатической и энергетической дипломатии 2021 г. определило, что «ЕС будет препятствовать любым дальнейшим инвестициям в проекты энергетической инфраструктуры, основанные на ископаемом топливе, в третьих странах, если они не будут полностью соответствовать амбициозному, чётко определённой пути к „климатической нейтральности“...» [33]. В то время как Внешняя энергетическая стратегия ЕС 2022 г. и вовсе постановила, что единственный способ обеспечить весь мир «устойчивой, безопасной и доступной» энергией – перейти на возобновляемую энергию [10]. Связано это также с ростом цен на энергетические ресурсы с 2021 г. Однако, если к углеводородам у ЕС в Арктике доступ ограничен, а интерес к созданию условий по снижению коммерческой привлекательности российских ресурсов (например, через трансграничный налог на выбросы углерода) понятен, того же нельзя сказать про другие отрасли. В частности, добыча Швецией минеральных ресурсов, как и положения европейского Закона о критически важном сырье 2023 г., в контексте изменения климата будто бы игнорируются [6. С. 156].

Заключение

Исторически коллективный Запад в большей степени виновен в изменении климата, но самые пострадавшие страны к нему не относятся. Тем не менее в последнее время свыше 50% выбросов приходится на членов БРИКС, в ряде которых происходит экономический рост, тогда как показатели ЕС едва превышают 6%. В этой связи особый интерес вызывает арктический регион, являющийся не просто «горячей точкой» изменения климата, но и ареной геополитического противостояния. На почве климата у стран БРИКС и ЕС возникли существенные стратегические противоречия. Европейский союз действительно хочет быть лидером в решении популярной проблемы, однако связано это скорее с нехваткой собственных ископаемых ресурсов, противоречиями с ведущим поставщиком, стремлением к стратегической автономии и международной циркулярной экономике, а также с возросшим социальным активизмом, в том числе из-за способствующего этому более высокого уровня жизни. Правда, последовательность приоритетов ЕС несколько размывается, когда речь идёт о минеральных ресурсах, к которым у стран-членов в регионе есть доступ. В то время как у государств БРИКС какая-то реальная координация по целевым показателям отсутствует: нет единых дат «нейтральности», методологии и систем подсчёта. Не все члены считают, что достигли пика выбросов, или определили цели в масштабах всей экономики, что допустимо в ООН для развивающихся стран. Зато в условиях санкционных ограничений и постковидного восстановления как экспортёры, так и импортёры сплотились против якобы безальтернативных европейских мер, настаивая на доминировании ископаемого топлива и принципе «технологической нейтральности», а также продолжая преимущественно перекладывать финансовую ответственность на развитые страны. В этой связи в Арктике изменение климата имеет не только очевидные негативные последствия, где в БРИКС приветствуется обмен опытом и научное сотрудничество, но и позитивные. Открывается доступ к шельфу и Северному морскому пути, которые преимущественно контролирует Россия. Сотрудничество с последней, в условиях переориентации на Восток и отсутствия прежде доминирующего западного маршрута, видится выгодным.

Список источников

1. *Zhao L., Du Y., Wang W., Shang C., Naren Q.* Progress on Monitoring Methods of Atmospheric Greenhouse Gases // *Meteorological and Environmental Research*. 2022. Vol. 13, Is. 5. P. 14–18.
2. *Greenhouse Gas Emissions by Country 2025* // *World Population Review*. 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/greenhouse-gas-emissions-by-country> (accessed: 23.08.2025).
3. *Klöck C., Castro P., Weiler F.* Coalitions in the Climate Change Negotiations // *LIEPP Policy Brief*. 2021. № 55. P. 1–4.
4. *Заславская Н.Г., Лисенкова А.Д.* Угольная энергетика в Европейском союзе в условиях «энергетического перехода» и антироссийских санкций // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 3. С. 212–221.
5. *Groen L., Niemann A., Oberthür S.* The EU as a Global Leader? The Copenhagen and Cancun UN Climate Change Negotiations // *Journal of Contemporary European Research*. 2012. Vol. 8, Is. 2. P. 173-191.
6. *Плюснин Р.М., Скрипка И.Р., Лесной Д.С.* Интересы ЕС в Северной Европе и Арктике: вызовы для России // *Современная Европа*. 2023. № 7. С. 153–164.

7. Стрельникова И.А. Арктическая кооперация в рамках БРИКС в условиях его расширения и трансформации глобального управления для меняющегося мира // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 1. С. 176–201.

8. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Президент России. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 25.08.2025).

9. Декларация Рио-де-Жанейро // Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

10. EU external energy engagement in a changing world // European Commission. 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52022JC0023> (accessed: 23.08.2025).

11. GDP per capita PPP // Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-per-capita-ppp?continent=world> (accessed: 23.08.2025).

12. Paris Agreement // United Nations. 2015. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (accessed: 23.08.2025).

13. Kyoto Protocol – Targets for the first commitment period // United Nations. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol/what-is-the-kyoto-protocol/kyoto-protocol-targets-for-the-first-commitment-period> (accessed: 23.08.2025).

14. Kotov V. The EU-Russia Ratification Deal: The Risks and Advantages of an Informal Agreement // International Review for Environmental Strategies. 2004. Vol. 5, № 1. P. 157–168.

15. Президент утвердил новую цель по снижению выбросов парниковых газов // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/prezident_utverdil_novuyu_cel_po_snizheniyu_vybrosov_parnikovyh_gazov.html (дата обращения: 23.08.2025).

16. Близнецкая Е. Анализ климатических инициатив России в БРИКС // Российский совет по международным делам. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/> (дата обращения: 23.08.2025).

17. Делийская декларация // Президент России. 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 23.08.2025).

18. Пекинская декларация // Президент России. 2022. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 23.08.2025).

19. Йоханнесбургская декларация-II // Президент России. 2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFolkWs.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

20. Рамочная декларация лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию // Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ewhugT8vY47TEb0uabZgm2phvAWQG85n.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

21. Казанская декларация // Президент России. 2024. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWdG0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

22. Стрельникова И.А., Майоров М.Г., Попов Д.И. Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 3. С. 71–82.

23. Submission by Spain and the European Commission on behalf of the European Union and its member states // United Nations. 2023. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-10/ES-2023-10-17%20EU%20submission%20NDC%20update.pdf> (accessed: 23.08.2025).

24. OZE: tak było w 2024, a tak będzie już zaraz. Analizujemy zmiany w miksie energetycznym // Globenergia. 2025. URL: <https://globenergia.pl/oze-tak-bylo-w-2024-a-tak-bedzie-juz-zaraz-analizujemy-zmiany-w-miksie-energetycznym/> (accessed: 23.08.2025).

25. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Правительство России. 2021. URL: <http://government.ru/docs/all/135405/> (дата обращения: 25.08.2025).

26. Климатическая доктрина Российской Федерации // Президент России. 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 25.08.2025).

27. China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2018. URL: <https://library.arcticportal.org/2008/1/china-arctic-policy-2018.pdf> (accessed: 23.08.2025).

28. India's Arctic Policy // Government of India. 2022. URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (accessed: 23.08.2025).

29. Roadmap for BRICS Energy Cooperation 2025–2030 // BRICS. 2025. URL: <http://brics.br-pt-br/documentos/meio-ambiente-clima-e-gestao-de-desastres/roadmap-for-brics-energy-cooperation-2025-2030.pdf@@download/file> (accessed: 23.08.2025).

30. Стрельникова И.А. Интересы Сингапура и Индонезии в Арктике: новые возможности в эпоху международной турбулентности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 1, № 1 (66). С. 200–213.
31. *A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic* // European Union External Action. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-stronger-eu-engagement-peaceful-sustainable-and-prosperous-arctic_en (accessed: 23.08.2025).
32. *The EU in the Arctic* // European Union External Action. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-arctic_en (accessed: 23.08.2025).
33. *Council conclusions on Climate and Energy Diplomacy* // Council of the European Union. 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/48057/st05263-en21.pdf> (accessed: 23.08.2025).

References

1. Zhao, L., Du, Y., Wang, W., Shang, C. & Naren, Q. (2022) Progress on Monitoring Methods of Atmospheric Greenhouse Gases. *Meteorological and Environmental Research*. 13(5). pp. 14–18.
2. World Population Review. (2025) *Greenhouse Gas Emissions by Country 2025*. [Online] Available from: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/greenhouse-gas-emissions-by-country> (Accessed: 23rd August 2025).
3. Klöck, C., Castro, P. & Weiler, F. (2021) Coalitions in the Climate Change Negotiations. *LIEPP Policy Brief*. 55. pp. 1–4.
4. Zaslavskaya, N.G. & Lisenkova, A.D. (2025) Ugo'n'naya energetika v Evropeyskom soyuze v usloviyakh «energeticheskogo perekhoda» i antirossiyskikh sanktsiy [Coal Energy in the European Union under the "Energy Transition" and Anti-Russian Sanctions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 30(3). pp. 212–221.
5. Groen, L., Niemann, A. & Oberthür, S. (2012) The EU as a Global Leader? The Copenhagen and Cancun UN Climate Change Negotiations. *Journal of Contemporary European Research*. 8(2). pp. 173–191.
6. Plyusnin, R.M. Skripka, I.R. & Lesnoy, D.S. (2023) Interesy ES v Severnoy Evrope i Arktike: vyzovy dlya Rossii [EU Interests in Northern Europe and the Arctic: Challenges for Russia]. *Sovremennaya Evropa*. 7. pp. 153–164.
7. Strelnikova, I.A. (2025) Arkticheskaya kooperatsiya v ramkakh BRIKS v usloviyakh ego rasshireniya i transformatsii global'nogo upravleniya dlya menyayushchegosya mira [Arctic Cooperation within BRICS in the Context of Its Expansion and the Transformation of Global Governance for a Changing World]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 20(1). pp. 176–201.
8. President of the Russian Federation. (2020) *Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda* [Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (Accessed: 25th August 2025).
9. President of the Russian Federation. (2025) *Deklaratsiya Rio-de-Zhaneyro* [Rio de Janeiro Declaration]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (Accessed: 23th August 2025).
10. European Commission. (2022) *EU external energy engagement in a changing world*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52022JC0023> (Accessed: 23rd August 2025).
11. Trading Economics. (2024) *GDP per capita PPP*. [Online] Available from: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-per-capita-ppp?continent=world> (Accessed: 23rd August 2025).
12. United Nations. (2015) *Paris Agreement*. [Online] Available from: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (Accessed: 23rd August 2025).
13. United Nations. (n.d.) *Kyoto Protocol – Targets for the first commitment period*. [Online] Available from: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol/what-is-the-kyoto-protocol/kyoto-protocol-targets-for-the-first-commitment-period> (Accessed: 23rd August 2025).
14. Kotov, V. (2004) The EU-Russia Ratification Deal: The Risks and Advantages of an Informal Agreement. *International Review for Environmental Strategies*. 5(1). pp. 157–168.
15. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2025) *Prezident utverdil novuyu tsel' po snizheniyu vybrosov parnikovyykh gazov* [The President Approved a New Target for Reducing Greenhouse Gas Emissions]. [Online] Available from: <https://www.economy.gov.ru/mate>

rial/news/prezident_utverdil_novuyu_cel_po_snizheniyu_vybrosov_parnikovyh_gazov.html (Accessed: 23rd August 2025).

16. Bliznetskaya, E.A. (2024) *Analiz klimaticheskikh initsiativ Rossii v BRIKS* [A Review of Russia's Climatic Initiatives in BRICS]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/> (Accessed: 23rd August 2025).

17. President of the Russian Federation. (2012) *Delijskaya deklaratsiya* [Delhi Declaration]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/1189> (Accessed: 23rd August 2025).

18. President of the Russian Federation. (2022) *Pekinskaya deklaratsiya* [Beijing Declaration]. [Online] Available from: <http://special.kremlin.ru/supplement/5819> (Accessed: 23rd August 2025).

19. President of the Russian Federation. (2023) *Yokhannesburgskaya deklaratsiya-II* [Johannesburg Declaration-II]. Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

20. President of the Russian Federation. (2025) *Ramochnaya deklaratsiya liderov stran BRIKS po klimaticheskomu finansirovaniyu* [Leaders' Framework Declaration on Climate Finance]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ewhugT8vY47TEb0uabZrm2phvAWQG85n.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

21. President of the Russian Federation. (2024) *Kazanskaya deklaratsiya* [Kazan Declaration]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

22. Strelnikova, I.A., Maiorov, M.G. & Popov, D.I. (2024) *Rasshirenie BRIKS: posledstviya dlya arkticheskogo sotrudnichestva v sfere logistiki* [BRICS Expansion: Consequences for Arctic Cooperation in Logistics]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. 3. pp. 71–82.

23. United Nations. (2023) *Submission by Spain and the European Commission on behalf of the European Union and its member states*. [Online] Available from: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-10/ES-2023-10-17%20EU%20submission%20NDC%20update.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

24. Globenergia. (2025) *OZE: tak bylo w 2024, a tak bedzie juz zaraz. Analizujemy zmiany w miksie energetycznym*. [Online] Available from: <https://globenergia.pl/oze-tak-bylo-w-2024-a-tak-bedzie-juz-zaraz-analizujemy-zmiany-w-miksie-energetycznym/> (Accessed: 23rd August 2025).

25. The Russian Federation. (2025) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [National Security Strategy of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/135405/> (Accessed: 23rd August 2025).

26. President of the Russian Federation. (2023) *Klimaticheskaya doktrina Rossiyskoy Federatsii* [Climate Doctrine of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (Accessed: 23rd August 2025).

27. The State Council Information Office of the People's Republic of China. (2018) *China's Arctic Policy*. [Online] Available from: <https://library.arcticportal.org/2008/1/china-arctic-policy-2018.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

28. Government of India. (2022) *India's Arctic Policy*. [Online] Available from: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

29. BRICS. (2025) *Roadmap for BRICS Energy Cooperation 2025–2030*. [Online] Available from: <http://brics.br/pt-br/documentos/meio-ambiente-clima-e-gestao-de-desastres/roadmap-for-brics-energy-cooperation-2025-2030.pdf/@download/file> (Accessed: 23rd August 2025).

30. Strelnikova, I.A. (2025) *Interesy Singapura i Indonezii v Arkitke: novye vozmozhnosti v epokhu mezhdunarodnoy turbulentsii* [Interests of Singapore and Indonesia in the Arctic: New Opportunities in an Era of International Turbulence]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 1(1 (66)). pp. 200–213.

31. European Union External Action. (2021) *A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-stronger-eu-engagement-peaceful-sustainable-and-prosperous-arctic_en (Accessed: 23rd August 2025).

32. European Union External Action. (n.d.) *The EU in the Arctic*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-arctic_en (Accessed: 23rd August 2025).

33. Council of the European Union. (2021) *Council conclusions on Climate and Energy Diplomacy*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/media/48057/st05263-en21.pdf> (Accessed: 23rd August 2025).

Сведения об авторе:

Лисенкова А.Д. – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия); старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lisenkova A.D. – Cand. Sci. (Political Science), senior research fellow, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); senior lecturer, Department of International Relations, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 22.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 15.09.2025;
approved after reviewing 22.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*